

Элайра Вэлморн

**РАЗВОД С ДРАКОНОМ
ОТМЕНЯЕТСЯ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
В97

Вэлморн Э.
В97 Развод с Драконом отменяется / Элайра Вэлморн – М.: Литнет, 2026. – 258 с.

ISBN 978-5-521-99871-5

Юн Бора умерла в ледяной пристройке поместья Дракона, так и не дождавшись ни единого теплого взгляда от своего мужа. Генерал Чон Инхёк был героем Империи, но для неё он стал проклятием.

Судьба дала ей второй шанс. Бора возвращается в день их свадьбы. Больше никаких слез, никаких ожиданий и никакой любви. В этот раз она сама решает свою судьбу: швырнуть брачный договор ему в лицо и уехать на юг, чтобы жить для себя.

Но почему непоколебимый Генерал, который должен был вздохнуть с облегчением, вдруг преграждает ей путь?

— Развод? — в его глазах, похожих на застывшую бездну, впервые вспыхивает опасный огонь. — Я не давал разрешения, жена.

Теперь, когда она смотрит на него с ледяным равнодушием, он почему-то не может отвести взгляд.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-521-99871-5

© Литнет, 2026
© Э. Вэлморн, 2026

Глава 1

Снег в тот день падал так тихо, словно небеса боялись нарушить покой моей смерти.

Я лежала на тонком футоне, и холод, просачивающийся сквозь щели в бумажных дверях сёдзи, уже не беспокоил меня. Он стал моим единственным спутником за последние три года. В Северном павильоне поместья клана Чон всегда царила зима, даже когда в столице расцветала вишня. Говорили, что это из-за энергии Дракона, которой владел хозяин этого дома. Но я знала правду.

Здесь было холодно, потому что здесь не было любви.

– Госпожа... – голос моей единственной служанки, маленькой Нари, дрожал от сдерживаемых рыданий. – Лекарь сказал, что он скоро придет. Господин Генерал скоро придет. Пожалуйста, держись.

Я слабо улыбнулась, чувствуя, как трескается сухая кожа на губах. Глупая девочка. Он не придет.

Генерал Чон Инхёк, герой Империи, повелитель Лазурного Дракона, победитель варваров Севера, никогда не приходил в этот павильон. Ни в первую брачную ночь, ни когда я заболела лихорадкой, ни сейчас, когда я выхаживала остатки жизни вместе с кровью на белый шелк платка.

– Не нужно, Нари, не зови его. Но дверь все же отворилась.

В комнату ворвался порыв ледяного ветра, и пламя единственной свечи метнулось в сторону. На пороге стоял Чон Инхёк.

Даже сейчас, сквозь пелену угасающего зрения, он был невыносимо прекрасен. Высокий, облаченный в темно-синий ханбок с серебряной вышивкой клана. Его черные волосы были стянуты в тугую узел, закрепленный нефритом, а лицо, словно высеченное из мрамора, не выражало ничего. Абсолютно ничего.

Ни жалости, ни горя, ни облегчения.

Он был подобен замерзшему озеру – красивому и смертоносному.

Мужчина не подошел ближе. Остался стоять у порога, словно боялся запачкать свои безупречные одежды духом смерти, витавшим вокруг меня.

– Я слышал, тебе нездоровится, – его голос был глубоким и ровным.

Нездоровится? Я умирала. Я умирала от тоски, от одиночества, от яда пренебрежения, который он вливал в меня капля за каплей семь долгих лет.

Я хотела закричать. Хотела спросить: «За что?». Я была верной женой. Я вела хозяйство, терпела насмешки твоей матери, вышивала тебе обереги, которые ты никогда не носил. Я любила тебя всем сердцем, которое скоро остановиться.

Но сил кричать не было.

– Простите, что доставляю неудобства, мой господин, – прошептала я по привычке. Привычка быть удобной, незаметной тенью въелась в плоть и кровь.

Иन्हёк кивнул. Коротко, сухо.

– Лекари позаботятся о тебе. Выздоровливай. И он развернулся.

Я смотрела на его широкую спину. На то, как безупречно сидит на нем ткань. Он уходил. Он снова уходил, оставляя меня одну в темноте.

– Инхёк... – вырвалось у меня впервые без почтительного обращения.

Он замер на секунду. Его рука легла на дверной косяк. Я ждала, что он обернется, что он посмотрит на меня хотя бы раз. Не как на мебель, не как на навязанную императорским указом обузу, а как на человека. Как на женщину, которая отдала ему свою молодость.

Но он лишь поправил меч на поясе и шагнул в снежную метель. Дверь закрылась.

Вместе с ней, казалось, закончилась и моя жизнь.

Слеза, горячая и бесполезная, скатилась по виску. Сердце, уставшее биться в пустую, сделало последний, мучительный удар и замерло.

Холод. Темнота. И всепоглощающая обида, горькая, как полынь. Если бы у меня был еще один шанс... Я бы никогда не посмотрела на него с любовью. Я бы никогда не переступила порог этого проклятого дома.

Я бы...

Бум. Бум. Бум.

Звук был ритмичным и громким. Он бил по ушам, вырывая меня из вязкой черноты небытия.

Моя голова кружилась, к горлу подступала тошнота. Я умерла? Это звуки преисподней? Барабаны, встречающие грешников?

Я резко распахнула глаза и тут же зажмурилась от яркого света, пробивающегося сквозь красную ткань.

Воздух был душным, пахло дорогами благовониями и... потом. Мое тело качалось из стороны в сторону. Ритмично. Вверх-вниз.

Я попыталась поднять руку, чтобы коснуться лица, и замерла. Мои руки.

Они не были худыми и бледными, как у умирающей старухи, в которую я превратилась к двадцати пяти годам. Кожа была гладкой, налитой жизнью, с нежным персиковым оттенком. На запястьях звенели золотые браслеты.

Я опустила взгляд. На мне был не белый погребальный саван, а роскошный красный свадебный ханбок, расшитый фениксами. Тяжелая юбка, многослойные одежды, сковывающие движения.

Что происходит?

Я провела рукой по лбу. Тяжесть. На моей голове была свадебная корона, а в волосах – тяжелая нефритовая шпилька, бинё, с драгоценными камнями.

– Невеста прибывает! Опустите паланкин! – раздался громкий, зычный голос снаружи.

Этот голос... Я помнила его. Это был распорядитель церемоний клана Чон. Тот самый старик, который умер от подагры пять лет назад.

Паланкин качнулся в последний раз и с глухим стуком опустился на землю. Сердце колотилось так, словно хотело проломить ребра. Это сон?

Предсмертная галлюцинация? Или боги, услышав мою последнюю мольбу, сыграли со мной злую шутку?

Занавесь паланкина отдернули, в лицо ударил яркий солнечный свет и шум толпы.

– Прошу вас, госпожа, – чья-то рука протянулась ко мне.

Я смотрела на эту руку, как на ядовитую змею. Это была рука моей няни, госпожи Пак. Живой. Молодой. С той самой доброй улыбкой, которую я не видела с тех пор, как она погибла, защищая меня от бандитов на третий год моего замужества.

– Няня? – выдохнула я.

– Госпожа, вы так бледны! – зашептала она, помогая мне выбраться наружу. – Волнуетесь? Не бойтесь. Генерал суров с виду, но он великий человек. Вам выпала огромная честь.

Честь.

Я ступила на землю, и ноги едва не подкосились. Вокруг шумела толпа.

Люди в праздничных одеждах, музыканты с флейтами и барабанами, слуги с фонарями.

Я стояла перед огромными воротами поместья Лазурного Дракона. Теми самыми воротами, которые в прошлой жизни захлопнулись за мной, как крышка гроба.

В воздухе пахло весной. Вишни. Сейчас цвели вишни. Это был день моей свадьбы. Семь лет назад.

Мир вокруг поплыл. Я схватилась за руку няни, чтобы не упасть. Значит, я вернулась. Я вернулась в самый страшный день своей жизни. В день, когда я добровольно надела на себя кандалы.

– Невеста! Жених идет!

Толпа расступилась и я увидела его.

Он шел навстречу, высокий и статный, в красном свадебном одеянии офицера. На груди был вышит золотой дракон. Его лицо было таким же, как и в момент моей смерти – безупречным и холодным. Ни тени улыбки. Он шел к алтарю не как на праздник, а как на казнь или на очередное скучное заседание совета.

Чон Инхёк.

В прошлой жизни, увидев его в этот момент, я покраснела и опустила глаза, чувствуя, как бабочки порхают в животе. Я думала: «Какой он красивый. Я растоплю его сердце своей любовью».

Какая же я была дура.

Сейчас, глядя на него, я не чувствовала ничего, кроме ледяной, звенящей пустоты и усталости. Огромной, вековой усталости.

Он подошел ближе и остановился согласно этикету. Мы должны были поклониться друг другу.

Он смотрел сквозь меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, не задержавшись ни на секунду, словно я была пустым местом.

– Приветствую вас, – формально произнес он.

Внутри меня что-то оборвалось. Струна, которая держала меня все эти годы. Ожидание. Надежда. Страх. Все исчезло. Остался только пепел.

Я не буду этого делать. Я не буду снова проходить через ад Северного павильона, не буду ждать его у окна ночами. Я не буду умирать в одиночестве.

Я медленно, с достоинством, которому научилась у императриц в книгах, подняла на него взгляд и посмотрела прямо ему в глаза.

Обычно невесты скромно смотрят в пол. Моя дерзость заставила его зрачки едва заметно сузиться.

– Приветствую вас, Генерал, – мой голос был твердым, в нем не было ни капли того девичьего трепета, что был раньше.

Церемония началась. Мы шли к алтарю, кланялись предкам,

пили ритуальное вино из половинок тыквы. Все это время я двигалась как кукла. Мой разум лихорадочно работал.

Бежать прямо сейчас нельзя – это позор для моего рода. Мой отец, мелкий чиновник, не переживет этого. Император разгневется.

Но и оставаться прежней Юн Борой я не могла.

Когда церемония закончилась, меня повели в покои новобрачных.

– Господин придет позже, когда закончит принимать поздравления гостей, – прошептала служанка, помогая мне снять тяжелую верхнюю накидку.

Я осталась в нижнем белом одеянии. Служанки ушли, оставив меня сидеть на краю широкой кровати, застеленной шелком. На столике горели две свечи, символизирующие долгую жизнь пары. Рядом стоял поднос с закусками и вином.

В прошлой жизни я просидела так четыре часа, не шелохнувшись, боясь испортить прическу или складки на платье. Когда он пришел, он был пьян и груб. Он взял меня без лишних слов, причинив боль, и сразу уснул, отвернувшись к стене.

Я посмотрела на стол с едой. В животе заурчало. Я не ела с самого утра. К черту.

Я встала. Подошла к столу, взяла кусок рисового пирога и с наслаждением откусила. Сладко. Живая еда для живого человека. Затем я налила себе вина и осушила чашу залпом.

Тепло разлилось по телу, прогоняя озноб воспоминаний.

Подойдя к зеркалу, я вытащила из волос тяжелые шпильки. Звон металла о дерево прозвучал в тишине вызывающе громко. Черные волны волос рассыпались по плечам. Я стерла с лица густой слой пудры и яркие круги румян ёнджи-гонджи.

Из зеркала на меня смотрела молодая девушка с глазами столетней старухи.

Я не буду ждать его покорно.

Я подошла к сундуку с приданым. Там, на самом дне, лежала бумага и тушечница. Я всегда любила писать, но Инхёк сказал

однажды, что женщине не пристало марать бумагу, ее дело – игла. И я бросила.

Я достала лист, растерла тушь. Кисть легла в руку привычно, словно продолжение пальцев.

Я начала писать. Иероглифы ложились на бумагу четкими, острыми линиями. Это было не любовное письмо и не стихи.

Это был договор.

Дверь резко отъехала в сторону.

На пороге стоял Чон Инхёк. От него пахло рисовым вином и холодным ночным воздухом. Он выглядел уставшим.

Он ожидал увидеть дрожащую от страха и смущения девственницу, сидящую на краю кровати с опущенной головой.

Вместо этого он увидел меня.

Я сидела за столом, с распущенными волосами, с чашей вина в одной руке и кистью в другой. Одна нога была поджата под себя – вопиющее нарушение этикета. Я смотрела на него спокойно, без тени обожания.

Он замер. Его брови, похожие на крылья ворона, слегка дрогнули. Это было самое сильное проявление эмоций, которое я видела на его лице за последние годы.

– Ты... – начал он, голос его был чуть хриплым. – Почему ты не в постели?

Я аккуратно положила кисть на подставку и подняла на него глаза. В них больше не было тепла, только холодная озерная вода.

– Я ждала вас, Генерал, – спокойно произнесла я. – Нам нужно поговорить.

– Поговорить? – он усмехнулся, проходя в комнату. Эта усмешка не предвещала ничего хорошего. – В первую брачную ночь жены обычно заняты другим.

Он подошел ближе, его тень накрыла меня. Аура Дракона давила, заставляя воздух сгущаться. Раньше я бы съежилась. Теперь я лишь выпрямила спину.

– Именно потому, что это первая ночь, мы должны прояснить все сейчас, чтобы не тратить время друг друга в будущем, – я протянула ему лист бумаги, на котором еще не высохла тушь.

– Что это? – он даже не взглянул на текст, глядя только на мое лицо. Казалось, он пытался найти в моих чертах ту робкую девушку, которую видел на церемонии, и не находил.

– Это условия нашего сожительства, – отчеканила я. – Я знаю, что этот брак навязан вам Императором. Я знаю, что вам не нужна жена, тем более из обедневшего рода Юн.

Его глаза сузились.

– И что ты предлагаешь?

– Свободу, – просто сказала я. – Вам и мне.

Он наконец взял лист. Пробежался взглядом по строчкам. С каждой секундой его лицо каменело все больше.

– «Жить в разных покоях»... «Не вмешиваться в дела друг друга»... «Развод через два года по причине бесплодия жены»... – он зачитал вслух, и в голосе его зазвенела сталь. – Ты в своем уме, женщина? Ты только что вошла в мой дом и уже планируешь уход?

– Я планирую честную сделку, – я встала. Теперь мы были лицом к лицу. Он был выше меня на голову, но я не отступила. – Вы получите идеальную хозяйку дома для внешнего мира. Я буду чтить ваших предков, управлять слугами и улыбаться на приемах. Вас никто не упрекнет, а взамен вы не будете меня трогать. И через два года отпустите.

– Не трогать? – он сделал шаг ко мне, нарушая мое личное пространство. Его глаза потемнели, став похожими на грозовое небо. – Ты забываешь, кто я. Я – Дракон. И то, что принадлежит мне, остается моим. Ты – моя жена.

Он протянул руку, чтобы коснуться моего лица. Жест собственника.

Я не отшатнулась, перехватила его руку за запястье. Мои пальцы были тонкими и слабыми по сравнению с его мощной рукой воина,